

УДК 340.111.5

**О СОДЕРЖАНИИ, ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЯХ И КРИТЕРИЯХ
ДОПУСТИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

ПЕТРЕНКО Михаил Николаевич

*старший преподаватель АНО Самарский ин-
ститут государственного управления
"Международный институт рынка",
г. Самара, Россия. E-mail: petmn@list.ru*

**ON THE CONTENT, THEORETICAL
FOUNDATIONS AND ADMISSIBILITY
CRITERIA OF STATE LEGAL
COERCION**

PETRENKO Mikhail Nikolaevich

*Senior Instructor of the ANO Samara Institute
of Public Administration "International Market
Institute", Samara, Russia.
E-mail: petmn@list.ru*

Возрастающее число внешних и внутренних вызовов требует от государства высокого уровня легитимности, достигаемого, в числе прочего, эффективным использованием государственно-правового принуждения для обеспечения безопасности граждан в отношениях как между собой, так и с публичными субъектами. Указанные обстоятельства требуют от исследователей непротиворечивого, основанного на классической методологии, исследования государственно-правового принуждения, выявления теоретических оснований и критериев его допустимости. Государственно-правовое принуждение это форма реализации государственной власти, при которой для общества (в лице государства) значимо поведение принуждаемого субъекта, а его основанием служит необходимость реализации государством своих функций. Общим критерием допустимости государственно-правового принуждения является признание соответствия его применения требованиям справедливости, а именно обоснованности и соразмерности.

Ключевые слова: государственно-правовое принуждение, основания принуждения, критерии допустимости принуждения, обоснованность, соразмерность, справедливость.

An increasing number of external and internal problems calls on the state to have a high level of legitimacy, achieved by the effective use of state legal coercion to ensure the security of citizens in relations both among themselves and with public actors. These circumstances require from researchers a consistent study of state legal coercion based on the classical methodology, as well as identifying theoretical bases and admissibility criteria. As a result of the research, the author proposes to understand state legal coercion as the form of realization of state power, in which the behavior of the coerced subject is significant for society (in the name of the state), the author believes that its ground in a broad sense is the need of the state to fulfill its functions. The author thinks that the general criterion for the admissibility of state legal coercion is the conformity of its application to the requirements of justice, namely, justification and proportionality.

Key words: state legal coercion, grounds for coercion, admissibility criteria of coercion, validity, proportionality, equity.

Вопросы сущности государственной власти и принуждения являются одними из системообразующих в юридической науке, а оттого весьма дискуссионными как среди правоведов, так и среди политологов, социологов, философов. Интерес к указанной проблематике основан, с одной стороны, на постоянном поиске адекватных уровню современного развития методов существования (а, следовательно, и деятельности) государства, одним из важнейших инструментов которого является власть, а с другой стороны – на приоритете прав и свобод человека и гражданина, обуславливающего необходимость постоянного совершенствования правовой защиты лица от необоснованного властного вмешательства государства в его дея-

тельность. Отношения государственной власти и государственно-правового принуждения, а именно в таком ключе они рассматриваются нами, характеризуются, в первую очередь, своим субъектным составом, а именно выступлением на одной стороне властвующего государства, а на другой – конкретного подвластного лица или лиц. И последнее обуславливается признаваемым большинством исследователей основанном на воле участников социальном характере властных отношений [7, с. 120], что по нашему мнению справедливо, то первое, а именно властвующий субъект, требует пояснений.

Государство является правовым фантомом и не только не отвечает вышеозначенному критерию социального характера участников отношений, но и фактически является ничем иным, как механизмом, с помощью которого возможна консолидация значительных сил и средств общества для решения каких-либо целей и задач, которые быть решены иным образом не могут (в ином случае, полагаем, теряется сам смысл существования государства в современном его понимании). При этом государство в период своего существования всегда, в большей или меньшей степени, легитимируется обществом [3, с. 309], и потому обязано отвечать представлениям легитимировавшего его общества о своей роли и обязанностях под угрозой собственной делигитимации. Таким образом, поскольку государство в известном смысле зависимо от общества верным полагаем относить к субъекту принуждения в отношениях государственной власти именно легитимировавшее государство общество, которое действует в лице уполномоченного им государства (его единоличных органов и должностных лиц). Государство же выступает на стороне властвующего субъекта, но не является им.

Следующим сущностным признаком власти, в том числе государственной, является конфликт. Отсутствие конфликта между властвующим и подвластным (иными словами тождество их воли в отношениях), полагаем, исключает властность в их отношениях: так, если лицо самостоятельно по просьбе или предложению другого лица, совершает какие-либо действия в интересах просящего (предлагающего), то считать указанные отношения властными не представляется возможным. Обратный подход распространил бы понятие "власти" на практически все существующие в обществе отношения, что не соответствует не только обыденному пониманию властных отношений, как праву и возможности распоряжаться кем-либо, подчинять своей воле [5, с. 86], но и с очевидностью излишне расширяет содержание понятия. Конфликт, вместе с тем, является следствием противостояния воли властвующего и подвластного, каждая из которых направлена на достижение целей, являющихся взаимоисключающими [4, с. 169]. Подавление властвующим воли подвластного, то есть такое воздействие на него, при котором последний сохраняет свою волю, однако лишен возможности её реализовать в период осуществления на него воздействия, полагаем, характеризует механизм отношений государственной власти между властвующим и подвластным. Причем важным является обстоятельство сохранения у подвластного собственной воли, поскольку отсутствие последней свидетельствует об отсутствии конфликта, а, следовательно, и властных отношений.

Указанные обстоятельства, а также наличие у государства преобладающего ресурса, за счет которого он обеспечивает подавление воли подвластного лица или лиц (и без которого ассиметричные отношения власти не могут существовать), позволяет относить к государственной власти направленное на достижение имеющихся целей (задач) основанное на праве общественное отношение, состоящее в подавлении обществом посредством легитимированного им государства (его органов и должностных лиц) нетождественной воли подвластного лица или лиц за счет имеющегося у него преобладания в ресурсах. Государственное принуждение, как одна из форм реализации государственной власти (наряду с властью в форме силы), воспринимает все признаки родовой для себя категории государственной власти, дополняясь таким признаком, как значимость для принуждающего субъекта – общества в лице государства (в лице его должностных лиц и органов) поведения принуждаемого лица или лиц [6, с. 79-81].

Продолжая отметим, что априорная асимметричность государственно-властных отношений, в том числе отношений государственно-правового принуждения, выводит роль права в них на первостепенные позиции: опосредованность неразрывной с обществом, и оттого неразрывной и с правом, государственной деятельности требует от государства (а, следовательно, и от его должностных лиц и органов) соблюдения правовых норм под угрозой делегитимации, а, следовательно, и использования в процессе осуществления своей власти только тех ресурсов, которыми его должностные лица и органы наделены легально. Последнее определяет необходимость наличия у участников отношений прав и обязанностей, то есть правового положения.

Указанная ранее асимметричность отношений требует закрепления за принуждающим лицом – государством (в лице его органов и должностных лиц) правообязанности подвергнуть принуждению лицо и применить к нему меры принуждения в правовом порядке. Принуждаемый же (а равно каждый из них в равной мере при множественности лиц на стороне принуждаемого лица), вправе требовать соблюдения в отношении него правовой процедуры и реализации мер принуждения в режиме законности, но обязан получить полагающуюся ему меру принуждения и претерпеть её. Вместе с тем, правовая опосредованность государственно-правового принуждения несводима лишь к его легальности. Наиболее соответствующей пониманию демократии в современном обществе, не замыкающимся на легитимизации суверенитета, является правовое государство, в котором право не сводится к комплексу норм законодательства [8, с. 21-23], действующего в конкретное время и обеспечиваемого государственным принуждением. Последнее включает в себя правосознание, правовую практику и ряд иных элементов [1, с. 357], направленных, в конечном итоге, на осуществление справедливой, и оттого поддерживаемый легитимировавшим государство обществом, социальной политики, эффективных методов управления.

Таким образом, государственно-правовое принуждение, как форма реализации государственной власти, является асимметричным и в силу своей социальной природы - правовым отношением, обуславливающим наличие у своих участников (принуждающего и принуждаемого лица) как прав, так и обязанностей. При этом лишь нормативной регламентации государственно-правового принуждения, в том числе правового положения его участников, для признания его легитимным недостаточно. Для этого требуется соответствие государственно-правового принуждения всему комплексу элементов права, включая правовую практику и "отраженность" в правосознании как самих участников отношений, так и всего общества. Особый интерес при исследовании государственно-правового принуждения представляет вопрос определения теоретических оснований принуждения и критериев его допустимости, на чем остановимся подробнее.

Вопросы оснований применения принуждения наиболее развернуто отечественными учеными в последние несколько лет исследовались с позиций уголовно-процессуальной науки [2, с. 59], справедливо выделяя в качестве таковых совокупность материально- и процессуально-правовых требований законодательства, закрепляющих условия и порядок применения принуждения (нормативные условия). Вместе с тем факт наличия правовой регламентации сам по себе не является основанием применения принуждения. Для возникновения отношений требуется юридический факт – совершение лицом (в последующем – принуждаемым), действий, тождественных основаниям применения мер принуждения, установленных материальными нормами (фактические условия). Совокупность нормативных и фактических условий является основаниями применения к лицу мер государственно-правового принуждения в узком смысле. В широком же смысле, полагаем, основаниями применения принуждения является необходимость реализации государством своих функций (внутренних и внешних). Указанное объясняется тем, что деятельность государства в любой момент может повлечь конфликтную ситуацию между ним и лицом (лицами). Последнее, в целях выполнения публичным образованием возложенных на него обществом обязанностей, потребует приме-

нения государственной власти, а в первую очередь наименее жесткой её формы – государственно-правового принуждения.

Следующим важным, но ранее специально не исследованным в литературе вопросом являются критерии допустимости принуждения, которые, по нашему мнению, следует искать в категории справедливости. Широта и полисеманτικότητα последней, выступающей в качестве общего критерия допустимости, определяет необходимость выделения в её структуре обладающих большей конкретикой элементов. Указанными элементами является обоснованность (основанность принуждения на праве) и соразмерность (соотнесенность принуждения с индивидуализирующими обстоятельствами, позволяющими воздействовать на принуждаемого с учетом присущей каждому конкретному случаю специфики). Соблюдение указанных критериев при применении мер государственного принуждения обеспечит их правовой характер и допустимость. Допустимость государственно-правового принуждения, в свою очередь, может определяться формально и материально. Формальное определение допустимости принуждения совпадает с определением оснований применения принуждения в узком смысле и предполагает исполнение закрепленных в законодательстве материальных и процессуальных правовых норм. Материальное же определение допустимости принуждения основывается на широком понимании права, что позволяет считать, что соответствие мер принуждения и их применения общественным идеалам оценивается обществом также и путем оперативного изъяснения своего отношения к принуждению. Изъявление воли может происходить в форме массовых мероприятий (пикетирований, шествий, митингов за или против применения принуждения в конкретном случае) и частных инициатив (индивидуальных и коллективных прошений, открытых писем и т.д.). Формальное и материальное понимание допустимости не являются антагонистами и дополняют друг друга: формальное определение допустимости принуждения предполагает соответствие последнего законодательству, которое основывается на праве и должно ему соответствовать. Последнее не всегда достигается в полной мере.

Так, по результатам проведенного анкетирования 200 человек подтверждено соответствие отличающихся наибольшей жесткостью мер принуждения, из числа закрепленных в административном и уголовно-процессуальном законодательстве, критериям допустимости государственно-правового принуждения. В уголовном праве меры принуждения, применяемые в связи с нарушением права на жизнь, напротив, показали низкий уровень обоснованности. Так принуждение, предусмотренное п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ признали необоснованным 52% опрошенных, п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 54,5%, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 57%, п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 59%, п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 61%, ч. 2 ст. 109 УК РФ – 55%.

Причиной ненадлежащей обоснованности является непринятие законодателем во внимание комплексности принуждения и не проведение предварительного анализа интенсивности воздействия государственной власти на общественные отношения в указанной сфере, что повлекло нарушение внутренних взаимосвязей отраслей права на микро и макроуровне. Последнее, полагаем, требует отдельного отраслевого исследования и решения вопроса о последующей корректировке нормативной базы.

Библиографические ссылки

1. Буранова В.О., Сафронов В.В. Правосознание гражданина как один из видов правосознания // Научный альманах. 2016. № 5-1 (19). С. 356-358.
2. Вершинина, С. И. К вопросу о юридической классификации фактических оснований применения мер государственного принуждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (2). С. 57-59.
3. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014.

4. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 1999.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997.
6. Петренко М.Н. О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 77-82.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. СПб. : Питер, 2003.
8. Финогентова О.Е. Соотношение права и закона в свете проблемы правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 20-25.

References

- Buranova V.O., Safronov V.V. Pravosoznanie grazhdanina kak odin iz vidov pravosoznaniya (The legal consciousness of a citizen as one of the types of legal consciousness), *Nauchnyi al'manakh*, 2016, No. 5-1 (19), pp. 356-358.
2. Vershinina, S. I. K voprosu o yuridicheskoi klassifikatsii fakticheskikh osnovanii primeneniya mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya (On the question of legal classification of actual grounds for applying measures of state coercion), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2010, No. 2 (2), pp. 57-59.
3. Kant I. Metafizika нравов. Ch. 1: Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh (Metaphysics of morals. Part 1: Works in German and Russian), pod red. B. Tushlinga, N. Motroshilovoi. M., Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», 2014.
4. Kratkii psikhologicheskii slovar' (Brief psychological dictionary), red.-sost. L.A. Karpenko; pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д, Феникс, 1999.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii (Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions). Rossiiskaya akademiya nauk; Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-е изд., доп. М., Azbukovnik, 1997.
6. Petrenko M.N. O ponimanii v nauke gosudarstvennogo prinuzhdeniya kak formy realizatsii gosudarstvennoi vlasti (On the understanding of state compulsion as a form of realization of state power in science), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 4 (46), pp. 77-82.
7. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir (Being and consciousness. Man and the world), S.L. Rubinshtein. SPb., Piter, 2003.
8. Finogentova O.E. Sootnoshenie prava i zakona v svete problemy pravovogo gosudarstva (The relationship between right and law in the light of the problem of the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 2 (48), pp. 20-25

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018